

реакций, и в принципе – отсутствия в глобальном его значении) превращает в присутствие, производя присутствующее отсутствие. Действительно, не может существовать перехода от культурных тотальностей к Эго (и обратно), ровно так же, как не может существовать прямых логических и субстанциальных связей между присутствующим и отсутствующим в символическом универсуме.

Таким образом, мы подтвердили, что феноменологическая установка, несмотря на внешнюю абсолютность ее языкового выражения, может, а следовательно, и должна признавать возможность периодического возникновения «слепых пятен» в собственном поле зрения. Мы имеем в виду, конечно, возможность принципиально непознаваемых объектов (точнее даже, дообъектных интуиций). В противоположность попыткам все более общего понимания культуры (то ли все более интегративного, то ли более абстрактного), вводимые нами в научный оборот пролегомены к концепции культурно-детерминированных патологий не только допускают различие как разделение (что невозможно в обобщающих теориях культуры), но и всячески культивируют его, т.к. сама патология уже есть нечто разъединяющее. Возможно, что намеченный нами аспект анализа является не только работоспособным, но и плодотворным. Во всяком случае, это вполне верифицируемая гипотеза.

- 1 Orth E. W. Kulturphilosophie und Kulturanthropologie als Transzendentalphänomenologie // Husserl Studies. – Vol. 4. 1987. – S. 103.
- 2 Данные постулаты в развернутом виде представлены в работе Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – С. 20–31.
- 3 Husserl E. Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge / herausgegeben und eingeleitet von Prof. Dr. S. Strasser. – 2. Aufl. – Haag, Martinus Nijhoff, 1973. – S. 55–56.
- 4 Вальденфельс Б. Мотив чужого: сб. / пер. с нем.; науч. ред. А.А. Михайлов; отв. ред. Т.В. Щитцова. – Мн.: Пронілея, 1999. – С. 125.
- 5 Busch K. Bernhard Waldenfels: Kultur als Antwort // S. Mubius, D. Quadflieg (Hrsg.). Kultur. Theorien der Gegenwart. – VS Verlag für Sozialwissenschaften, Springer, 2011. – S. 290–299.

А.И. Бердник
*Белгородский государственный институт
искусств и культуры (г. Белгород),*
Е.А. Бердник
*Харьковский национальный университет
им. В.Н. Каразина (г. Харьков)*

ПОГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Исследование границ и прилегающих к ним пограничных территорий является одной из важнейших тем современного социально-

гуманитарного знания. Традиции изучения пограничья начали складываться с конца XIX века в рамках географической науки (Фридрих Ратцель, Ральф Бланшар), истории (Фредерик Тернер, Герберт Юджин Болтон) и геополитических исследований (Карл Хаусхофер).

В настоящей статье нет необходимости подробно останавливаться на истории изучения пограничья, поскольку подготовлены обстоятельные научные работы, авторы которых достаточно полно раскрывают данный вопрос [1].

Как отмечает известный географ В.А. Колосов, «Исследования границ, или лимнология, превратились в междисциплинарную область знания, развиваемую политологами, социологами, этнологами, психологами, антропологами, юристами, экономистами, физиками, географами и даже специалистами по техническим наукам» [2].

Поддерживая в целом пафос последних публикаций по данной теме, можно согласиться с их главным выводом о том, что изучение пограничья стало одной из магистральных линий развития современной западной гуманитаристики и заняло прочное место в качестве научной дисциплины, преподаваемой в зарубежных университетах и колледжах.

Вместе с тем, в отечественной науке, несмотря на междисциплинарный характер исследований пограничной проблематики, они рассредоточены по отдельным отраслям знаний, при этом каждая научная дисциплина пытается создать свой образ пограничья.

Пограничье – это регион, существование которого неразрывно связано с наличием границы. Он обладает своими социальными, культурными, экономическими, политическими особенностями. Поэтому естественен интерес регионологии (регионалистики, регионоведения) к изучению пограничных территорий. Интенсивное становление данной отрасли знаний происходит на протяжении последних десятилетий. В регионологии объектами порубежной коммуникативности становятся не только природные, экономические, политические, но и такие социокультурные явления и процессы, как диаспора, маргинальная культура, охранительный психологический комплекс и др.

Среди регионобразующих факторов авторы выделяют не только природно-географические, политико-экономические, демографические, но все больше – культурные, которые включают традиции, ценности, обряды, язык, верования, ментальность проживающих на территории региона народов [3].

Высказывается точка зрения, что на рубеже II и III тысячелетий в результате нарастания рубежной энергетики наступает эра пограничных маргинальных состояний, которая значительно расширит границы человеческого познания [4]. В русле данных тенденций обращение к проблемам пограничной культуры является важным и актуальным.

Цель нашей статьи состоит в определении места культурного пограничья в системе культурологического знания как методологической основы изучения проблем регионального развития. На наш взгляд, данный концепт обладает достаточным эвристическим потенциалом.

Культурное пограничье – это специфический социокультурный и этносоциальный феномен, расположенный на границе культур, этносов, реальных политических образований. Для анализа пограничья существенным является то, что граница не только разъединяет, но в то же время объединяет государственные общности, традиции, нормы и ценности, становится основой их связи, местом прямого соприкосновения и единения. Здесь происходит наложение социокультурных структур на географический ландшафт жизни общества.

В отечественной науке изучение культурного пограничья своими корнями уходит в краеведческие исследования, которые активно развивались с 60-х годов XIX в. до 20-х годов XX в. Краеведы обращались к истории и культуре своего края, подчеркивали уникальность и своеобразие отдельных территорий, изучали природно-географические, этнические, хозяйственные структуры отдельных регионов [5].

Большое влияние на формирование современных представлений о культурном пограничье сыграли труды Ю.М. Лотмана, рассматривавшего его в качестве семантического пространства, которое освоено, осмыслено и проинтерпретовано людьми, его населяющими, и стало частью их «культурной картины мира». Он отмечал: «Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой – соединяет. Она всегда граница с чем-то и, следовательно, одновременно принадлежит обеим пограничным культурам, обеим взаимноприлегающим семиосферам» [6].

Проблема пограничья приобретает все большую актуальность для нашей страны. После распада СССР многие территории, ранее принадлежавшие внутреннему пространству, вдруг в одночасье оказались пограничными, что актуализирует данную проблему и для российской науки.

На постсоветском пространстве одними из первых к изучению культуры пограничных областей обратились историки в рамках исторического направления «Новая локальная история». С деятельностью данного направления связано проведение широко известных международных Интернет-конференций: «Новая локальная история: Пограничные реки и культура берегов» и «Свое» и «Чужое» в исследовательском поле «истории пограничных областей» и др. [7]

В последнее время в отечественной науке все больше утверждается предельно широкое представление о «культурном пограничье» как одном из главных концептов постмодернистского дискурса, наряду с опытом «мультикультурализма» и школы культурных исследований (cultural studies). Активным сторонником данной точки зрения является М. Глостанова, которая считает, что проблема пограничья выходит за рамки транс-

региональных контекстов, пересекая границы отдельных национальных культур, все чаще оперируя в глобальном мировом масштабе [8].

Современная социокультурная ситуация характеризуется все более интенсивным процессом взаимодействия стран, народов, этносов, культур. Не является исключением и российско-украинское порубежье, ставшее в недалеком прошлом ареной интенсивного взаимодействия русского и украинского этносов.

В течение XVII–XVIII вв. на территории современной России и Украины, включая Харьковскую, Сумскую, Донецкую, Луганскую, Белгородскую, Воронежскую и Курскую области, сформировалось историческое образование, получившее название Слободская Украина.

Интенсивное освоение Слобожанщины начинается со второй половины XVI века, когда на территорию Дикого поля с запада и севера продвигаются два потока переселенцев: украинские казаки и крестьяне (черкасы), бежавшие от гнёта польских магнатов Речи Посполитой, а также — русские служилые люди и беглые крестьяне. В XVII веке было сформировано пять Слободских полков: Харьковский, Охтырский, Сумской, Изюмский и Острогожский. В 1765 г. на территории Слободской Украины образована Слободско-Украинская губерния, которая в 1835 была переименована в Харьковскую губернию.

Новый уровень анализа региональных проблем невозможен без осмысления социокультурных процессов прошлого и настоящего. Данные вопросы являются составной частью более широкой проблематики обретения региональной идентичности и формирования регионального самосознания на постсоветском пространстве.

Актуальность проблематики культурного пограничья связана не только с поисками региональной самоидентификации, но и определения направлений развития каждого из регионов постсоветского пространства. Именно сейчас многие регионы, пытаясь осознать собственное место в современной России, обращаются к несметным богатствам исторических традиций и обычаев, которые накапливались в течение многих веков.

В начале нового тысячелетия в рамках пограничного сотрудничества между Россией и Украиной был создан Еврорегион «Слобожанщина», призванный обеспечить высокие темпы развития приграничных регионов двух государств.

В связи с этим концепт «культурное пограничье» может быть применен к анализу не только исторических проблем, но и дать ответы на многие вопросы современного регионального развития.

Например, общепризнаны успехи Белгородской области во всех сферах социально-экономического развития [9]. Белгородчина занимает лидирующие позиции в стране по темпам промышленного производства, продуктивности сельского хозяйства, масштабам жилищного строительства. Всех, кто впервые приезжает в Белгород, поражают ухоженность и благо-

устройство городов и сёл, отличные дороги, чистота улиц и тротуаров из цветной плитки, школы и детские сады с плавательными бассейнами, сельские дома культуры, похожие на дворцы, и новые спортивные комплексы в районных центрах [10]. Качество жизни в регионе – самое высокое в Черноземье, а средняя продолжительность жизни белгородцев на два года больше среднероссийской.

Даже те авторы, которых трудно заподозрить в симпатиях к позитивным переменам, оценивают итоги развития Белгородчины как «историю успеха» и включают ее в число трех регионов постсоветской России, сумевших добиться наибольших результатов в экономическом и социальном развитии [11].

В чем состоят главные слагаемые этого успеха? Бесспорно, можно согласиться с авторами в том, что регион обладает богатствами, полученными от природы, в виде залежей железной руды и плодородных черноземов, на основе которых удалось создать промышленные и сельскохозяйственные кластеры.

Действительно, по некоторым оценкам, область располагает до 40% общенациональных запасов железной руды, что позволяет производить более трети всего российского железнорудного концентрата [12]. Благоприятные черноземы, которыми обладает регион, вывели его на первое место в России по производству сельхозпродукции на душу населения.

Другие авторы экономическое благополучие региона во многом объясняют его географическим местоположением как транзитных ворот на Украину. Около 20 % российско-украинского внешнеторгового оборота приходится на Белгородскую область благодаря проходящим через нее магистральным автомобильным и железнодорожным путям.

Третья группа исследователей переводит поиски в политологическую плоскость, проводя анализ построенной в регионе так называемой патерналистской модели власти и деятельности белгородского губернатора Е.С. Савченко, который в течение двадцати лет возглавляет регион. За это время он сумел стать признанным региональным лидером и авторитетным политическим деятелем современной России [13].

Наша гипотеза состоит в том, что успехи Белгородской области нельзя объяснить только в русле рационально-сциентистских подходов. Признавая важность социально-экономических и природно-географических факторов, мы предлагаем использовать культурологический метод анализа. Он основан на представлениях классической культурологии о том, что в основе развития социума лежат процессы, происходящие в культуре, ядром которой являются духовно-нравственные ценности и смыслы, сформированные в русле мировоззренческого кода народа.

Не случайно за прошедшее десятилетие Белгородская область дважды выступает с региональными проектами, которые приобретают всероссийское значение. Так, в 2003 году Белгородчина стала первым регионом,

предложившим уникальную программу улучшения качества жизни населения [14]. Данная идея стала белгородским «ноу-хау», и на уровне Российской Федерации в 2004 году Президент России впервые определил качество жизни как главную стратегическую цель социально-экономического развития страны [15].

Программа получила широкий резонанс, потому что само понятие «качество жизни» в большей степени соотносится с нашими представлениями о социальной справедливости и отвечает цивилизационному своеобразию России, ее культуре и религии. Как писал в своих работах выдающийся российский экономист Д.С. Львов, дух запада, поднимающий на щит ценности богатства и благополучия, основан на протестантской этике с ее основным постулатом об индивидуальной избранности к спасению. Православие же всегда отстаивало идею коллективного спасения, равенства всех перед Богом, совесть, т.е. благую весть, которая гласит: «Спасутся или все или никто». Поэтому вместо стремления к индивидуальному богатству и его символическим выражениям – стремление к высокому качеству жизни. Последнее невозможно достичь индивидуально, не повышая качество жизни окружающих [16].

На следующем этапе развития Белгородской области, в 2011 году, в качестве цели регионального развития была предложена Стратегия «формирование регионального солидарного общества», основанная на осознании жителями общности интересов, ценностей и жизненных смыслов, взаимной поддержке и сотрудничестве в достижении общественно значимых целей [17]. Обращает внимание, что речь опять идет о качестве, однако теперь – о качестве человеческих отношений, в основе которых доверие, солидарность и ответственность.

Таким образом, анализ двух документов: «Программы улучшения качества жизни населения Белгородской области» и Стратегии «формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы, – позволяет сделать вывод, что прошедшие восемь лет позволили перенести основной центр тяжести с материального на духовное, с экономической политики – на улучшение человеческих отношений. Можно без преувеличения сказать, что речь идет о беспрецедентной попытке предложить идею сопряжения материального и духовного измерения человеческого бытия в качестве социального проекта регионального развития.

Подводя итоги, необходимо отметить, что именно культурология, как познавательная система и интеллектуальная тенденция нашего времени, основанная на междисциплинарных подходах, сможет объединить разрозненное знание о социокультурных процессах пограничья. Необходимо дальнейшее исследование культурного пограничья, направленное на выявление содержания и специфики регионального сознания в условиях социальных трансформаций как на бытовом, эмпирическом уровне, так и на уровне самосознания.

- 1 Кочан В.М. Проблема границ пограничья в социокультурных исследованиях конца XIX–XX вв. // Вестник СевГУ. – Севастополь: Изд-во Севастоп. гос. техн. ун-та, 2008. – Вып. 86: Философия. – С. 70–73 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sevgu.com.ua/jspui/bitstream/123456789/340/1/filosof.86.2008.70-74.pdf> (дата обращения: 10.08.2013); Колесникова М.Е., Маловичко С.И. Новые направления изучения региональной истории: история пограничных областей Северного Кавказа // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com/node/16> (дата обращения: 12.08.2013).
- 2 Колосов В.А. Теория границ: трансформация смыслов и подходов к изучению // Российско-Украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / отв ред.: В.А. Колосов и О.И. Вендина. – М.: Новый хронограф, 2011. – С. 13.
- 3 Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 424 с.; Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. / В.А. Булкин, А.С. Герд, Г.С. Лебедев, В.Н. Седых; под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – 92 с.; Скульмовская Л.Г. Регион как субъект функционирования и развития культуры. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 297 с.
- 4 Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: учебник. – М.: Гардарики, 2003. – С. 52; Дергачев В.А. Рубежная коммуникативность // Известия РГО. – 1999. – Т. 131, вып. 3. – С. 43–65.
- 5 Басалаева И.П. Форматы постсоветского краеведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sibmuseum.ru/sites/default/files/news/basalaeva.pdf> (дата обращения: 12.08.2013).
- 6 Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 183.
- 7 Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Круг, 2011. – С. 187–192.
- 8 Тлостанова М.В. Деколонизальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания // Личность, культура, общество. – 2008. – Т. 10. – Вып. 5–6. – С. 170–171.
- 9 Большое влияние на социальное самочувствие жителей соседних регионов оказывает то, что по соседству расположен более благополучный регион – Белгородская область. См. Когай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А. Социокультурный портрет Курской области. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. – С. 40.
- 10 Филиппов В. Русский дом Евгения Савченко // Русский дом. – 2010. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russdom.ru/node/2749> (12.08.2013).
- 11 Российские регионы: Белгородская область [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru> (дата обращения: 12.08.2013).
- 12 Белгородская область: история и современность. – М.: Консалт. группа «Имидж-контакт», 2007. – С. 46.
- 13 Стариков И. Феномен Евгения Савченко, или Белгородский Ли Куан Ю // Смена. – 2012. – № 87. – С. 3.
- 14 Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области. – Белгород, 2003. – 110с.
- 15 Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/act> (дата обращения: 12.08.2013).
- 16 Львов Д.С. Экономика и жизненный мир человека // Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции: сб. материалов I Оптинского форума. – М.: Ка-

луга, 2006. – С. 67–68; Образ новой России – истоки формирования // Вопросы философии. – 1998. – №4. – С. 36.

17 Стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы. – Белгород, 2011. – С. 8.

Е.А. Беседина, Т.В. Буркова
*Санкт-Петербургский государственный
университет (г. Санкт-Петербурге)*

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Историческая память общества охраняется и транслируется при помощи различных социокультурных механизмов и практик: «В то время как историки-профессионалы и другие представители интеллектуальной элиты выстраивают свои суждения о прошлом в соответствии с правилами науки, для большинства людей представления о днях минувших формируются в первую очередь под воздействием множества различных форм “коммеморации”» [1].

Пространство повседневной жизни структурировано образами памяти. В поисках ответа на вопрос, как функционирует историческая память, французский исследователь П. Нора (P. Nora) ввел в научный оборот термин «места памяти» (les lieux de mémoire) [2]. Именно в них и сосредоточена коммеморация, т.е. все те многочисленные способы, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. Место памяти – это символ присутствия прошлого не только в настоящем, но и в будущем. Обсуждая значимость и саму возможность создания и сохранения мест памяти, люди солидаризируются с той или иной частью местной и национальной истории.

С точки зрения культурологии, вслед за исследователем А.В. Святославским, можно утверждать, что под коммеморацией понимается «сознательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечения определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры» [3]. По его мнению, область коммеморации в совокупности содержательного (кто, когда, кому и чему с какой целью ставил памятники, давал памятные наименования, вводил памятные даты и т.д.) и формального (какими средствами пользовались при этом) аспектов становится одним из наиболее адекватных показателей мировоззренческих особенностей той или иной культуры [4]. Памятники, представляющие собой знаки намеренного увековечения, позволяют наиболее полно выявить, что именно хотела транслировать данная культура будущему.